

К. Д. Наумов
Саратов, Россия

K. D. Naumov
Saratov, Russia

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИДИОМ
НА БАЗЕ СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**IDIOMS FUNCTIONING
ON BASIS OF THE SLAVONIC
PAGAN CONCEPTIONS
WITHIN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается проблема функционирования идиом, восходящих к славянским языческим представлениям в современной российской прессе. Сделан вывод о том, что главными факторами продуктивности конкретных фразеологизмов в текстах политической тематики является их семантика и стилистическая маркированность, хотя и сакральная мотивация активно обыгрывается журналистами в идеологических и экспрессивно-оценочных целях.

Abstract. The article deals with the problem of idioms functioning of which goes back to Slavonic Pagan Conceptions in the modern Russian press. The conclusion is that the primary factors of the definite phraseological units efficiency goes to its semantics and stylistic markedness, though sacred motivation is being actively played in ideological, evocative and appraisive purposes.

Ключевые слова: идиома; сакральность; язычество; политический дискурс.

Key words: idiom; sacrality; paganism; political discourse.

Сведения об авторе: Наумов Клим Дмитриевич, аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Naumov Klim Dmitrievich, Postgraduate Student of the Chair of Language Theory, History and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Place of employment: Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky.

Контактная информация: 410012 г. Саратов ул. Астраханская, 83, 11 корп. СВУ, ауд. 207.
e-mail: klimenty@inbox.ru.

Большинство современных лингвистов рассматривает идиоматику как один из основных способов отражения языковой картины мира этноса: «Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода „нишей“ для кумуляции мировидения ... данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 214]. В наиболее категоричной форме такой подход отражен в утверждении: идиоматика — «святая святых национального языка» [Бабкин 1979: 7]. Наряду с этим в последние годы высказывается мнение, что «априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально-специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным» [Баранов, Добровольский 2008: 251]. Поэтому более корректной представляется точка зрения, согласно которой во фразеологической картине мира получают отражение как общечеловеческие (универсальные), так и национально-специфические элементы, связанные с интерпретацией фактов и явлений действительности в соответствии с конкретными особенностями культурно-исторического развития народа [Фархутдинова 2000: 30—32].

Не менее острой является дискуссия о том, можно ли считать концептосферу идиоматики частью современной картины мира, ведь в ней, как справедливо подчеркивает большинство исследователей, отражен прежде всего культурно-национальный опыт и народные традиции. Чтобы ответить на этот вопрос, нам представляется необходимым решить две задачи:

1) установить, насколько активно используется в современной речи та или иная часть фразеологического корпуса, единая по своей внутренней форме; 2) выявить степень осознанности данной формы современными носителями языка и ее влияния на употребление идиом в речи. Анализ функционирования фразеологических единиц (в дальнейшем — ФЕ), мотивация которых связана с такой «несовременной» сферой, как славянские языческие представления, в одном из продуктивных типов дискурса — политическом [Шейгал 2004; Чудинов 2006], в частности в общественно-политической прессе, поможет, на наш взгляд, выявить степень актуальности этой части фразеологии в современной картине мира русского этноса.

На основе сплошной выборки из современных фразеологических словарей русского языка [Алефиренко, Золотых 2008; Бирих 2005; Дубровина 2010; Молотков 1978; Тихонов 2004; Яранцева 2001] нами было выявлено 215 ФЕ, внутренняя форма которых связана с отражением славянской политеистической религиозной системы (верований, обрядов: анимизма, культа предков, магии, тотемизма, фетишизма и др.).

Как показал анализ внутренней формы ФЕ, в русской фразеологии регулярно фиксируется единицы, восходящие к следующим группам славянских сакральных когнитивно-культурных представлений:

1) сакрализация фундаментальных стихий мироздания — воды, огня, земли (ср.: *живая / мертвая вода* — в древнерусских языческих представлениях за водой признавалась маги-

ческая сила: живая вода — текучая вода — считалась животворящей; мертвая вода — талая или спокойная, не текучая — считалась целительной);

2) сакрализация различных видов пространства (ср.: *заколдованный круг* — по суеверным представлениям, пространство внутри магического (заколдованного) круга недоступно для действия враждебных (темных) сил; *в тихом омуте черти водятся* — в омутах, по древним поверьям, живут водяные и вировики — духи воды);

3) сакральное представление о жизни и смерти; сакрализация предков (ср.: *не от мира сего* — выражение восходит к мифологическому представлению о двух мирах: этот (сей, белый) — мир живых и тот (иной, другой, лучший, загробный) — мир мертвых; *перемывать косточки* — выражение связано с обрядом так называемого вторичного захоронения: по суеверным представлениям, всякий нераскаявшийся грешник, если над ним тяготеет проклятье, после смерти выходит из могилы, обычно в виде упыря, вурдалака, и губит людей, высасывая кровь, а обряд промывания останков снимает заклятье);

4) персонификация сакральных сил — богов и духов (ср.: *Баба-яга костяная нога* — в славянской языческой мифологии богиня смерти и воскрешения; *мелким бесом вертеться* — в древней славянской мифологической иерархии злых сил мелкие бесы (чертенята) — низший чин; чем мельче бес, тем угодливее он должен себя вести; *смотреть букой* — исконно русское мифическое существо, привидение или лесной демон, которым пугали детей);

5) сакрализация животных и растений (*влюбиться как черт в сухую ракиту* — в славянской мифологии старые, трухлявые, сухие деревья связывают с нечистой силой; *черная кошка дорогу перебежала* — по распространенному общеславянскому суеверию, злые духи, колдуны, ведьмы и т. п. способны воплощаться («оборачиваться») в черную кошку или в зайца; *менять кукушку на ястреба* — выражение восходит к славянским представлениям о сезонных превращениях кукушки и ястреба: по мифологии, ястреб является вместилищем злой души);

6) культовые действия, обряды, заговоры и обереги, связанные с языческими сакральными представлениями (ср.: *выносить вперед ногами* — на Руси покойника выносят из дома ногами вперед из суеверных представлений, чтобы он не мог вернуться; во время эпидемий покойника выносили вперед головой, чтобы он не увел с собой остальных; *бабушка надвое сказала* — под «бабушкой» здесь имеется в виду гадалка, знахарка, которая с помощью древнейшей магии или по картам могла ворожить, т. е. узнавать судьбу человека, погоду, заговаривала от болезни и от сглаза).

Следует, однако, отметить, что такого рода сегментация достаточно условна, поскольку

данные представления, а следовательно, и выделенные группы взаимосвязаны, например следующие: сакрализация стихии; пространства и их персонификация; культовые действия, обряды, заговоры (ср.: *все бесы в воду, да пузыри вверх* — у восточных славян был обычай мириться у воды (обрядовое действие); чтобы закрепить мирное соглашение, крестьяне кидали камень в воду (сакральное пространство и сакральная стихия), говоря при этом: «Все бесы в воду, да пузыри вверх»).

Кроме того, объемная группа ФЕ основана на представлениях, общих для разных нехристианских политеистических культов и христианства (ср.: *проливать кровь* — выражение древнерусское, смысл которого восходит к обычаю кровавых жертв богам, причем часто приносили в жертву детей-первенцев; позднее проливали несколько капель их крови или закалывали животное, что отражено, например, в библейском тексте; *предать смерти* — идиома восходит к мифологическому представлению о смерти как о живом существе, которое приходит к живому человеку и забирает его с собой в потусторонний мир (персонификация смерти типична и для христианской средневековой Европы); *отправиться к праотцам* — фразеологизм основан на представлении о загробном мире, где обитают предки (праотцы) всех ныне живущих, а само выражение, по мнению ряда лингвистов, является калькой с латинского; *встать с левой ноги* — у многих народов существует поверье, что встать с постели левой ногой — значит провести дурной день; понятия о правом и левом издавна соединялись с понятиями добра и зла: считалось, что каждый человек имеет духа-покровителя с правой стороны и духа-искусителя — с левой).

Как показывает анализ данных газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка за 2003 — 2011 гг., фразеологизмы, восходящие к славянским языческим представлениям, в политической публицистике используются достаточно регулярно, однако активность отдельных единиц зависит от целого ряда факторов.

Первый из таких факторов — степень актуальности внутренней формы фразеологизма, поскольку абсолютное большинство современных носителей языка плохо знакомо с языческой славянской системой, прежде всего с древней, исходной. В частности, практически не востребуемыми оказываются ФЕ, включающие во внутреннюю форму номинации многих языческих богов и духов, например: *Лады у воды* — 'о заключении брачного союза' (славянская богиня Лада считалась покровительницей брака); *метать перуны* — 'сильно сердиться, ругать кого-л., неистовствовать' (как верховный бог восточнославянского языческого пантеона, Перун ездил по небу на колеснице и метал огненные стрелы — молнии, или перуны).

Исключением являются сакральные образы, активно используемые в фольклоре, прежде всего в адаптированных детских сказках, в фильмах и мультфильмах на базе таких сюжетов, например:

- *Берендеево царство* — ‘чаща, глухой лес’ (Берендей — один из лесных духов, хозяин леса). В массмедиа употребление ФЕ ограничено текстами экологической проблематики — об отношении властей к сохранению лесов и их охране, незаконной вырубке и строительству и т. п.; ср.: *И в других районах Берендеево царство готово отдать человеку еще более 600 тысяч кубометров*. [П. Костюшко. Шумел сурово Брянский лес // Труд-7. 2004.06.04]; *Сегодня император и вовсе бы упразднил оклады служащим Берендеева царства* [П. Костюшко. Отшумел Брянский лес? // Труд-7. 2004.03.12]; *Подножие горы — влажный тропический лес, „Берендеево“ царство* [С. Шелохаев. ИНГОССТРАХ покоряет вершины // Труд-7. 2003.03.19];

- *Кикимора болотная* — 1) ‘о некрасивой, неопрятно одетой женщине’; 2) ‘о нелюдимом, чуждающемся общества человеке, обычно женщине’ (кикимора в восточно- и частично южнославянской мифологии — «домовой в юбке»; безобразная, неопрятно одетая и вредная старуха, предпочитающая жить в сырых местах (болотах); бьет горшки, путает пряжу, жжет кудель, не осененную на ночь крестом, портит хлебы, ощипывает кур и т. д.). В политической публицистике ФЕ обычно используют в видоизмененном виде при характеристике вызывающих неприязнь женщин-политиков, но не только их: *Валерия НОВОДВОРСКАЯ: — Да все они взаимозаменяемы. Была бы какая-нибудь кикимора партийная. Владимир ЖИРИНОВСКИЙ: — Мог бы и Горбачев до сих пор сидеть*. [А. Гамов, О. Вандышева, В. Баранец, О. Улевич. Если бы Ельцин свалился с лестницы, союз бы не развалился // Комсомольская правда. 2006.12.08].

Однако широкое использование сакральных образов в литературе и кинематографе может приводить к тому, что функционирование ФЕ в политической публицистике определяется именно прецедентным текстом. Например, идиома *Кощей бессмертный* (олицетворение «темных» сил — чрезвычайно худой, костлявый старик, сказочно богатый, но чрезвычайно скупой и алчный) в языке функционирует в значении ‘злой, жадный, скупой человек’. В прессе идиома используется при характеристике финансовой политики государства, его отдельных структур, причем такое употребление регулярно мотивировано текстом поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»; ср.: *Но если Кабинет министров чахнет над своим триллионом рублей, словно Кощей бессмертный, не зная, куда его применить, то решить судьбу нашей заначки мы доверили народу* [В. Рукбратский, А. Овчинников. Даешь народу нефте-

доллары! // Комсомольская правда. 2005.06.29]; *А оно собрало в Стабфонде 350 млрд. рублей и чахнет над ними, как Кощей бессмертный над золотым сундуком* [А. Седов. Получаем все больше, работаем как всегда // Комсомольская правда. 2004.10.18]; *Пенсионный фонд чахнет над этими деньгами, как Кощей бессмертный над золотом* [В. Бутаев, А. Выпозов. Из пенсионных капиталов россияне строят «пирамиду»? // Комсомольская правда. 2003.12.05].

Недостаточное знакомство с конкретными языческими представлениями, положенными в основу формирования фразеологизмов, не препятствует их широкому использованию в современных массмедиа в том случае, если сакральный образ достаточно обобщенный и не требует специальной расшифровки (например, ФЕ *нечистая сила* — ‘о ком-, чем-л. неприятном, враждебном, злом’ — в общественно-политической прессе 2003 — 2011 гг. зафиксирован около 150 раз), а также в том случае, если этот образ может быть объяснен вполне объективными (не мифологическими) причинами.

Например, в современном русском языке функционирует целый блок ФЕ, мотивация которых связана с сакрализацией водной стихии и языческими культовыми действиями с ней: *вилами по воде писано* — ‘что-л. очень сомнительно, не заслуживает доверия’ (с помощью языческого оберега-заговора крестьяне «предохранялись» от водяного, чертя во время заговора крест, обычно ножом, косой как символами языческого бога Перуна); *выходить сухим из воды* — ‘избегать заслуженного наказания; оставаться незапятнанным в трудных и неприятных ситуациях’; *как в воду опущенный* — ‘о человеке, имеющем унылый, подавленный вид’ (в соответствии с древним обычаем «Божьего суда» обвиняемого бросали в реку или озеро: всплывший признавался виновным, потонувший — невиновным); *как в воду глядел* — ‘о человеке, предвидевшем, точно предсказавшем что-л.’ (в соответствии с древними верованиями в магическую силу воды знахари и колдуны всматривались в отражение в озере, реке, сосуде с водой, произносили различные заклинания и по состоянию поверхности воды предсказывали будущее). Семантика каждой из этих идиом может быть «выведена» из обыденных представлений о воде (вода прозрачна, и сквозь нее можно видеть; вода, как жидкость, не может быть деформирована с помощью острого предмета; вода обязательно замочит находящийся в ней предмет; эта среда опасна для человека). Не случайно данные ФЕ широко представлены в современной политической публицистике: *Как в воду глядел, вещь: „Не успеет окончиться XX век, как наступит крах коммунизма“* [Американский пророк 100 лет назад предсказал возрождение СССР // Новый регион 2. 2008.01.10]; *Если же говорить о гипотетических залежах углеводородного сы-*

рья в зоне, на которую претендует Россия, то и здесь всё **вилами по воде писано** [Промотанное наследство // РИА Новости. 2008. 02.22]; *Вот как прокомментировала эту ситуацию одна из сотрудниц городского управления образования, попросив не называть ее имени: „Руководство **вышло сухим из воды**“* [М. Корец. Школа терпимости // Труд-7. 2003. 10.09].

Показательно, что при употреблении некоторых сакральных ФЕ их семантика регулярно мотивирована не мифологическим представлением, а языковым (прямым или переносным) значением компонентов идиомы; ср.: *Он в вольной беседе рассказал анекдот: „Страшный сон Пенсионного фонда — это **Кощей Бессмертный** — пенсионер“* [Страшный сон Пенсионного фонда // Труд-7. 2006.12.01]; ***Живая вода** в понимании современного человека — это вода, в которой после соответствующей обработки не снижается содержание полезных солей и минералов, уничтожаются микробы, вирусы и паразиты* [Пить или не пить? // Комсомольская правда. 2002.01.26]). Не случайно, вопреки сакральному представлению, отраженному и в русских сказках, мертвая вода ассоциируется в политической публицистике не с исцеляющей силой, а с негативным, вредоносным, дестабилизирующим фактором: *„**Мертвая вода**“ дойдет до Иртыша, Тобола, Исети, оставляя радиоактивный след* [В. Писанов. Теченская бомба // Труд-7. 2002.09.06]; *При слове „ЦИК“ кажется, что тебя поливают из телевизора **мертвой водой***. [В. Ворсоби́н. Михаил Задорнов: Год получился удачным, ведь ничего хорошего я от него не ждал // Комсомольская правда. 2004.12.22].

В целом наиболее употребительными в современных массмедиа становятся фразеологизмы, полностью или частично утратившие связь с исходным сакральным представлением, способные мотивироваться языковой семантикой отдельных своих компонентов. В этом случае внимание читателя полностью сосредоточено на семантике идиомы, а не на породившем ее образе; ср.: *приносить жертву* — более 1300 употреблений; *как на ладони* — около 170 употреблений; *чем черт не шутит* — более 130; *черт возьми* — около 90; *на чем свет стоит* — более 60. Достаточно продуктивны также те ФЕ, сакральная суть которых хорошо знакома современным носителям языка (например, противопоставление этого и того света, бытующие и в настоящее время суеверия): *не от мира сего* — более 50 употреблений; *гадать на кофейной гуще* — около 90; *как рукой сняло* — более 40.

Второй фактор, влияющий на продуктивность использования в политическом дискурсе исследуемых ФЕ, — их стилевая и стилистическая маркированность.

Так, почти не встречаются в прессе устаревшие, книжные идиомы: *отослать к праот-*

цам (устар., книжн., высок.) — ‘убить, погубить’; *пропади пропадь* (устар.) — ‘пожелание отделаться от кого-л.’; *черту баран* (устар., презр.) — ‘о самоубийце’. Как правило, журналисты избегают бранных, грубо-просторечных идиом: *беса лысого* (грубо-прост.) — ‘ничего, совсем ничего не (получить, дать, понять, сделать и т. п.)’; *леший дернул за язык* (прост.) — ‘неизвестно зачем наподобилось сказать что-л.’; *на кой черт!*; *на черта!* (прост., бран.) — ‘зачем?’; *послать ко всем чертям* (прост., бран.) — ‘прогнать кого-л.’; *пропасти на тебя нет!* (прост., бран.) — ‘выражение негодования, досады’. Исключение составляет прямая речь (или ее имитация) героев репортажей, интервью: — *И меня словно **черт за язык дернул: „Товарищ Сталин, у нас нет похоронных команд“*** [С. Кашурко. Никто не забыт? Ничто не забыто? // Труд-7. 2003.06.21]; *Пока 33-летний Давид и 35-летний Сергей все отрицают, мол, **бес полутал*** [А. Родкин. Двух байкеров-грабителей ловили 100 милиционеров-мотоциклистов // Комсомольская правда. 2006.09.21]; *Семь лет прожил дома, с женой. А тут как **бес полутал*** [А. Евтушенко. Отсидим пятилетку в три года! // Комсомольская правда. 2001. 04.06]; — *А **какого лешего ты на солнце смотрел?*** [Л. Корниенко, Ю. Жуковская. И от солнца бывают пятна!.. // Комсомольская правда. 2003.07.22]; — *А нищую-то **на кой ляд прикупать?*** [О. Шаповалов. Русская мясорубка — бессмысленная и беспощадная // Комсомольская правда. 2008.01.28].

Вместе с тем нельзя сказать, что стилевая и стилистическая маркированность — препятствие для использования исследуемых ФЕ в политическом дискурсе. Напротив, в газетах, как и в языке в целом, характеризующая и экспрессивная функции — базовые для идиоматики; ср.: *хлебнуть лиха* (прост.) — ‘испытать много лишений, бед, нужды и переживаний’: *Европа в 2003 — 2004 годах экономика Евросоюза **хлебнула лиха** из-за укрепления евро* [Выгоден ли нам крепкий рубль? // Комсомольская правда. 2005.08.22]; *черт ногу сломит* (прост.) — ‘никому не под силу справиться с чем-л.; невозможно разобраться в чем-л.’: *А сколько сочиняется муторных законопроектов, в которых **черт ногу сломит!*** [О. Нестерова. Дадим-ка мы козлу пенделя... // Труд-7. 2007.06.23].

Стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска употребляемых ФЕ напрямую связана с тематикой и конкретными задачами публикации.

Так, книжные и устаревшие идиомы (особенно со значениями ‘погубить’, ‘погибнуть’) регулярно используются в статьях о масштабных террористических актах, бедствиях, войнах (прежде всего — Великой Отечественной), массовых репрессиях и т. п.: *Если бы возобладала либеральная позиция — мол, не надо зря **проливать кровь солдатскую** — все, проиграли*

бы войну. [А. Бирюлин. Когда одни насилуют других // Труд-7. 2007.05.25]; *По их мнению, советские генералы компенсировали свою бездарность солдатскими жертвами, **положив на алтарь** победы 25 млн. человеческих жизней* [В Нью-Йорке отмечают День Победы // Новый регион 2. 2007.05.09]; *Страшную жертву принесла Россия на алтарь бога машин в 2006 году — 33 тысячи погибших в ДТП за 12 месяцев* [П. Орлов. Иду на обгон. А зачем? // Труд-7. 2007.01.30].

Книжная идиома *не от мира сего* ('о человеке, не приспособленном к жизни; о фантазере, мечтателе') в политической публицистике становится постоянным эпитетом (около 50 употреблений) при характеристике российской интеллигенции, продолжающей бескорыстно служить науке и искусству: *Впрочем, далеким от математики обывателям он больше известен тем, что считается человеком **не от мира сего*** [О. Нестерова. Калашников, Перельман и другие // Труд-7. 2007.10.30]; *Становится понятно, почему Шаховых тут считают... ну, **не от мира сего*** [М. Корец. Мы — переводчики космоса // Труд-7. 2008.01.12].

Самоотверженность человека и социума часто характеризуется с помощью книжных и устаревших идиом с субстантивами *жертва* и *алтарь* (ср.: *возлагать (приносить) <труд, опыт, талант и т. п.> на алтарь* — 'самоотверженно трудиться во имя чего-л.'; *возлагать (приносить) жертву на алтарь <отечества, свободы, науки, дружбы, любви и т. п.>* — 'жертвовать чем-л. во имя отечества, свободы, науки, дружбы, любви и т. п.'; *приносить жертву* — 'лишать себя чего-л. во имя кого-, чего-л.'). причем «алтарь» в этом случае воспринимается как языческое капище, а не часть интерьера христианского храма, например: *Комментируя достигнутые договоренности между „Нафтогазом Украины“ и „Газпромом“, Юрий Бойко отметил, что стратегические интересы Украины **были принесены в жертву** политическим и бизнес-интересам Юлии Тимошенко и ее спонсоров* [Миссис «газовая война» ведет Украину к экономическому кризису // Новый регион 2. 2008.03.14]; *„Вы должны решить, хотите ли вы **принести** свободу в России в жертву на алтарь газа и нефти“, — призывает Трегубова лидеров западных стран* [«Кремлевская диггерша» призывает Запад «не благоволять» Путину // Новый регион 2. 2007.06.05]; ***Положив** свой рейтинг на алтарь единороссов, Путин при этом доставил им немало хлопот — порушил стройную конфигурацию рядов партийных кандидатов* [Один за всех // РБК Daily. 2007.10.03].

Столь же регулярно книжные и устаревшие идиомы используются в иронических контекстах: *Видимо, нет такой жертвы, которую новобранцы НАТО и ЕС не **принесли бы на алтарь** особых отношений с глобальным Четвертым рейхом* [Эстония платит за фа-

шизм // РБК Daily. 2007.07.20]; *Какие фобии станут пестовать, и какие ценности будут **положены на алтарь** „суверенной“ демократии?* [Экспертиза «Нового Региона»: апатия вне закона // Новый регион 2. 2007.12.06]; *Выдавливание Михаила Живило из Кузбасса происходило при активном участии губернатора Амана Тулеева, который весь свой талант блестящего политика **возложил на алтарь** победы над Живило* [Новая национализация экономики России или по Тулееву звонит колокол? // Новый регион 2. 2007.02].

Однако наиболее востребованными и разнообразными по системе мотиваций, семантике, выполняемым функциям в газетной политической публицистике становятся экспрессивные разговорные (реже просторечные) ФЕ: *Похоже, в последнем случае британских экспертов **беспопутал*** [О. Нестерова. Калашников, Перельман и другие // Труд-7. 2007.10.30]; *Поэтому стоит ли **очертя голову** кидаться в очередные крайности, ...не учитывая горького опыта „социально-экономической эволюции“ некогда процветавшей Корьякии?* [Е. Комарова. Трещина на фасаде // Труд-7. 2003.06.20].

Третий, причем ведущий фактор, который влияет на продуктивность в политическом дискурсе исследуемых фразеологизмов, — это языковая семантика исследуемых единиц.

Так, практически не используются идиомы, значение которых связано с номинацией природных явлений, флоры и фауны, с характеристикой человека с точки зрения его внешних данных, мимики, жестов, положения в пространстве, конкретного проявления эмоций и т. п. (например, *бесовская свадьба* — 'о снежной метели, вихре'; *перуны блещут* — 'о сверкании молний'; *еще черти не дерутся / не бьются на кулачки* — 'очень рано'; *ведьмины метлы* — 'пучки тонких укороченных ветвей с недоразвитыми листьями, образуемыми вследствие болезни растений'; *Баба-яга костяная нога* — 'о безобразной старой женщине'; *бесенята играют в глазах* — 'об озорном, лукавом взгляде'; *как с того света вернулся* — 'очень бледный, больной'; *смотреть букой* — 'иметь угрюмый, неприветливый вид'; *леший обошел* — 'о сбившемся с пути человеке'; *ни один черт не зайдет* — 'никто не зайдет'). Это естественно, поскольку данные феномены редко являются темой политических массмедиа.

Напротив, чрезвычайно востребованными оказываются идиомы, семантика которых связана с эмоционально-экспрессивной характеристикой личности в морально-этическом и поведенческом плане, причем данные ФЕ используются как по отношению к конкретным политическим деятелям, так и по отношению к обобщенным политическим силам, социальным группам, государствам и социально-экономическим явлениям в целом: *Громы и молнии по поводу цен на газ и RUE вчера **метала** Юлия Тимошенко* [Тимошенко взялась за старое //

РБК Daily. 2007.12.06]; *Но если Главная военная прокуратура будет лишь метать в них громы и молнии, не привлекая к уголовной ответственности конкретных виновников, положение вряд ли изменится* [В. Баранец. С терроризмом в долг не воюют // Комсомольская правда. 2006.12.20]; *Goldman Sachs, бывший работодатель нынешнего министра финансов США, имеет шансы выйти сухим из воды и даже увеличить прибыль* [Не пугать инвесторов // РБК Daily. 2007.09.19]; *Генпрокуратура старается опровергнуть утверждение, будто „украдешь мало — получишь много, украдешь много — выйдешь сухим из воды“* [В. Донской. Премьеру досталось // Труд-7. 2003.07.30]; *СМИ приводят десятки фактов, а с главы Пушкинского района как с гуся вода* [И. Качаева. Пушкино как зеркало коррупционной пирамиды // Труд-7. 2007.10.16]; *Больше других мне понравился материал „Слизкая тема“, но со Слиски как с гуся вода* [«Пишите о жизни настоящей...» // Труд-7. 2006.12.30]; *А с чиновников как с гуся вода* [А. Алексеев. Бывает, водки мало // Труд-7. 2006.01.28].

В употреблении ФЕ можно усмотреть определенную систему.

Так, идиомы, семантика которых связана с характеристикой бедственного положения личности, различного рода несчастий и лишений, регулярно используется при описании социально-экономической, правовой ситуации в современной России и ее советском прошлом: *Мы и так за последние десятилетия хлебнули лиха* [М. Андреев. «Горячие головы», шаг вперед! // Труд-7. 2001.11.14]; *И из огня да в полымя: в пекло Великой Отечественной* [Л. Репин. Под прицелом кинорепортера // Комсомольская правда. 2006.11.20]; *Центробанк меж двух огней. Загадывать надолго вперед эксперты не берутся* [В. Бутаев. Почему дешевеет доллар // Комсомольская правда. 2003.10.20]; *Когда я вспоминаю происшедшее за последние десять лет, мне иногда кажется, что все случилось как в сказке, героям которой надо было пройти через огонь и воду* [Н. Шевцов. Скучно работать без конкурентов // Труд-7. 2002.07.23]; *Итак, Кремлю нужен громоотвод, который принимал бы на себя, с одной стороны, громы и молнии населения, а с другой стороны, прикрывал бы центральную власть от критики со стороны Запада* [Е. Анисимов. «Право руля!» // Комсомольская правда. 2003.12.16]; *Все мы глубоко благодарны поколению людей, на долю которых выпал тяжкий жребий войны...* [Празднование Дня Победы прошло в России, странах СНГ и Балтии // РИА Новости. 2007.05.10].

Фразеологизмы, обобщенно называющие эмоции и эмоциональные состояния (обычно отрицательные), активно употребляются в риторических вопросах к политическим противникам, представителям власти, в высказываниях, являющихся эмоциональной доминантой текста

или его части: *Если ты такой крутой и успешный, и все у тебя там, в Кремле, на мази, то на кой ляд звезданулся?* [Н. Ефимович. Астроном Шварцман и «бархатная реприватизация» // Комсомольская правда. 2007.12.07]; *А если концепция рушится при слабости лишь одного ее звена — на кой ляд нам такая концепция?* [Серебряный звон — удача или разочарование? // Комсомольская правда. 2002.05.14]; *Как мы уже писали, чета иммигрантов из России в течение нескольких лет добивалась статуса политических беженцев, в чем им было дважды отказано. Какая нелегкая занесла их во Францию?* [В. Прокофьев. Ване дорого достался вид на жительство // Труд-7. 2007.08.14]; *В 90-е годы настоящих профессионалов-политтехнологов было мало. А выборов — до черта* [О. Вандышева. «День выборов»: Как сделать политика из массажиста // Комсомольская правда. 2007.11.29]; — *Какая, к черту, стабильность, если уже и нас, простых, трясет политика!* [Л. Безрукова. Не стой под стрелой! // Труд-7. 2007.10.12]; *„Копните Пенсионный фонд — там столько разных функций и финансовых потоков, что черт ногу сломит“*, — *говорит депутат Госдумы Оксана Дмитриева* [А. Проценко. Трать — не хочу... // Труд-7. 2006.11.25].

Далеко не всегда журналисты обыгрывают внутреннюю форму ФЕ. Вместе с тем такая тенденция существует и часто проявляется. В частности, регулярно намеренно ассоциируются с темными идиоматическими силами или сакральным пространством политические противники (личности, партии, государства), чуждые этнические, социальные группы, некомпетентные или забюрократизированные властные структуры, олигархи, а также отрицательные социально-экономические явления, злоупотребления: *Цены на нефть — за пределами, в подвалах ЦБ почти 100 миллиардов долларов — какая нечистая сила способна на таком благополучнейшем фоне спровоцировать кризис?* [Чем вас обрадовал или огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7. 2004.07.15]; *Но Буш так и не вышел к народу по той причине, что „нечистая сила“ попутала флоридские избиркомы неверно подсчитать результаты* [В. Сиснёв. Победителя определит фотофиниш // Труд-7. 2000.11.10]; *Последним камнем, брошенным Мироновым в тихий омут российской политики, стало предложение перевести (хотя бы частично) столицу в родной ему Санкт-Петербург* [Обновленный Совет Федерации: «Вешать молодого спикера Миронова пока рано, а старого Строева уже поздно» // Комсомольская правда. 2002.01.30]; *Будь он хоть коммунист, хоть анархист, хоть, извините, черта лысого приверженец — лишь бы пером владел хорошо, — говорил вашему корреспонденту примерно за полчаса до начала церемонии известный критик, ответственный секретарь „Бестселлера“*

Виктор Топоров [Л. Безрукова. Бестселлер по-русски // Труд-7. 2001.05.30]; *Что касается КПУ и КПУ(о), 13-е место прекрасно перекрывает 1-ое место, потому что его можно прекрасно обыграть — чертова дюжина, счастливое число, 13 как сакральный символ* [Украинские коммунисты надеются на православных и Иисуса Христа // Новый регион 2. 2007.09.04]; — *Но у нас заколдованный круг: чтобы этот план получить, надо иметь свидетельство о праве собственности на землю* [А. Доброхота. Все об оформлении сделок с жильем и землей (Часть 2) // Комсомольская правда. 2007.06.26]; *Похоже, в последнем случае британских экспертов бес попутал* [О. Нестерова. Калашников, Перельман и другие // Труд-7. 2007.10.30].

Таким образом, с одной стороны, четко фиксируется оценка политических сил с позиции журналиста и части общества, представителем которого он себя позиционирует, а с другой — именуемые феномены демонизируются, начинают восприниматься как фатальная сила, бороться с которой почти невозможно.

Регулярно деятельность отдельных политиков, социально-экономических и политических групп, властных структур в России и в мире ассоциируется с языческими заговорами, культовыми и магическими обрядами: *Насколько эта политика будет эффективна, еще бабушка надвое сказала* [В. Голованов. Перебор с капитализмом // Труд-7. 2006.09.27]; *Многие гадают, кто будет преемником Владимира Путина. На чем лучше гадать? На гуще? На бобах? Вилами на воде? Какое на сей счет есть указание из Кремля?* [М. Кононенко. «Профессия у меня такая — гут, а что?» // Труд-7. 2006.07.06]; *Но предположительные выгоды еще вилами по воде писаны, а киевские должности и депутатские квартиры — вот они* [Украина нуждается в рассечении промежуточности // Новый регион 2. 2006.03.24]; *Найдут ли их в муниципальных бюджетах, на попечении которых финансирование школ, — вилами по воде писано* [О. Нестерова. Держи карман шире // Труд-7. 2001.04.13]; *Пока права местных жителей, так сказать, вилами на воде писаны* [П. Костюшко. Озеро на замке // Труд-7. 2004.02.13]; *В связи с этим и россияне, и вновь востребованные в странах Запада кремленологи вынуждены гадать на кофейной гуще* [Зарубежная пресса: Волошин и Абрамович помогут Медведеву взять власть // Новый регион 2. 2008.03.03]; *Прогнозирование цен — гадание на кофейной гуще* [А. Зюзяев. Прибавки к зарплатам съест инфляция? // Комсомольская правда. 2007.12.25]; *Мы когда-нибудь слезем с нефтяной иглы или у нас на роду написано на ней сидеть?* [Л. Кафтан, А. Седов. Игорь Шувалов, помощник президента по экономическим вопросам: Зарплаты вырастут, даже если упадут цены на нефть // Комсомольская правда. 2005.09.29].

Тем самым журналисту удается выразить иронию по поводу характеризуемых действий, тенденций в развитии и т. д. Наиболее ярко это проявляется при преобразовании фразеологической единицы, обыгрывании не только ее внутренней, но и внешней формы: *С тех пор как в Лондоне БАБушка надвое сказала, т. е. Борис Абрамович сперва сообщил, что финансирует „Другую Россию“, а затем внес в свои речи исправления, указав, что не финансирует и что его превратно поняли, прошло известное время и все успели забыть про эту двойственность* [М. Соколов. «Предчувствие катастрофы» // Известия. 2007.06.15]; *В Якутии получилось „из огня да в полымя“*. [Н. Иванова. После пожара наводнения // Труд-7. 2001.06.08].

Таким образом, ФЕ, сформированные на базе языческих сакральных представлений, активно используются в современном политическом дискурсе, хотя это не влечет за собой активизации значимости самих сакральных представлений в сознании носителей языка. В то же время журналисты регулярно обыгрывают и внутреннюю форму исследуемых идиом. В этом случае они ориентируются на традиционную картину мира, отраженную в данном блоке ФЕ. Возможность подобных характеристик связана также с тем, что именно в последние годы, в том числе в общественно-политической прессе, активно публикуются статьи по древним языческим культам: описываются обряды, сакральные действия, трактуется магический смысл суеверий, заговоров; ср.: *Языческие представления о сидах в средневековом христианском сознании превратились в представления о нечистой силе, выходящей в этот день пугать благочестивых обывателей* [1 ноября // РИА Новости. 2007.11.01]; *В народе бытует мнение о безотказном способе поиска живой воды с помощью лозоходов* [А. Сидоров. Если в кране нет воды, жди напасти и беды // Труд-7. 2002.09.02]; *Очертив вокруг башни „магический“ круг, он [экстрасенс] окурил ее дымом сухого зверобоя, после чего „подключился к космосу“ и принял „выпрямлять“ памятник всевозможными пассами* [А. Лушников. Кто спас гордость Аизы? // Труд-7. 2001.02.22]; *У нас в соседней деревне женщина на бобах гадают* [С. Хустик. Красноярский солдат скрывался от армии и родных 12 лет // Комсомольская правда. 2006.09.23]. Это способствует активизации языческой сакральной картины мира, отраженной в современной русской идиоматике.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М.: ЭЛПИС, 2008.

Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография 1977. — М., 1979. С. 3 — 15.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. — М. : Знак, 2008.

Бирих А. К. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. — М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.

Дубровина К. Н. Энциклоп. слов. библейских фразеологизмов. — М. : Флинта : Наука, 2010.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

Фархутдинова Ф. Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология 2000 : Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология

на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». — Тула, 2000. С. 30—32.

Фразеологический слов. рус. яз. / под ред. А. И. Молоткова. — М. : Рус. яз., 1978.

Фразеологический слов. современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. — М. : Флинта : Наука, 2004.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта, 2006.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Яранцев Р. И. Русская фразеология : слов.-справ. — М. : Рус. яз., 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. В. Балашова